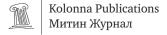

Марсель Жуандо

ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

перевод Валерия Нугатова

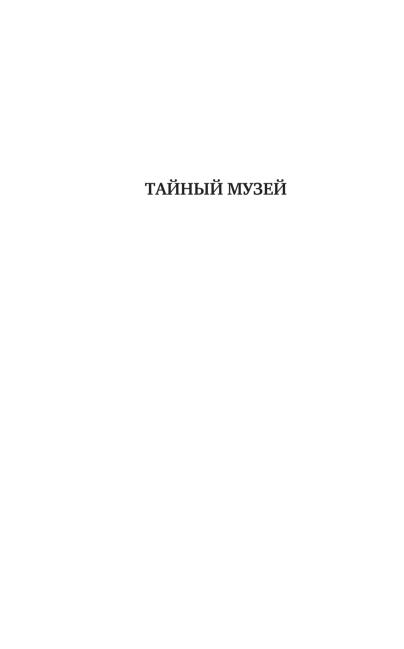
ббк **84.4** Фр

Marcel Jouhandeau Pages égarées

В оформлении обложки использован рисунок Павла Челищева, а на стр. 105 – рисунок Жана Кокто.

Редактор: Дмитрий Волчек Обложка и верстка: Дарья Протченкова Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Société Nouvelle des Éditions Pauvert, 1980 ©Kolonna Publications, 2011 Перевод © Валерий Нугатов, 2011

По прибытии меня встречает Рафаэль и ведет лестницами в тайную комнату. Мы поднимаемся по стремянке, через люк. Там кто-то уже сидит у единственного окна с матовыми стеклами, обхватив руками голову. Посредине комнаты огромный диван в окружении табуретов. На камине – большое старинное зеркало. Никакого убранства. Вообще ничего.

Задолго до того, как меня удостаивает вниманием первый гость, показывается третий, а вскоре и четвертый. Оба очень красивы.

Изредка появляется Рафаэль – удостовериться, что все ведут себя подобающе.

Когда нас становится шестеро, он говорит:

– Господа, главное правило – молчание. За все время никто не смеет произнести ни слова, иначе все кончится. Никаких поблажек.

Затем в дверях вырастает великолепный мужчина, сочетающий грацию Антиноя с вели-

чавостью Геркулеса Фарнезского. Он собирается переступить порог, но передумывает и удаляется.

Снова входит Рафаэль и приказывает:

– Господа, раздевайтесь.

Тотчас спадает одежда, каждый аккуратно складывает свою на табурете.

Нас тринадцать, мы готовы, и вот Антиной показывается снова. Он отдается нам: со всех сторон его хватают руки, губы тянутся к его груди и члену. Самый молодой целует колени.

Неправдоподобная архитектура, невообразимое переплетение рук и ног, которые, впрочем, быстро распределяются по старшинству. Оплетенный шипящими змеями Лаокоон или Уголино с сыновьями в Башне голода? Какая прекрасная человеческая гроздь! Какое пышное дерево, отягощенное огромными, набухшими, сочными плодами, которые можно вволю ощупывать, не встречая сопротивления!

Повсюду торчат фаллосы – дикая поросль, которая дротиками обступает и приподнимает массивный ствол. Завороженные лица неразличимы. Шум прерывистых дыханий, затем волосистый, точно гигантский кактус, монумент валится на кровать. Антиной с первого взгляда выбрал партнера – единственного, кому позволено припасть к его губам.

Остальные, не отрываясь от переплетающихся тел, согласуют свои движения, вместе с тем уважая независимость этих двоих.

Рафаэль тоже вступает в игру, чтобы каждый нашел себе пару. В меня вонзает щуп самый застенчивый – тот, что пришел раньше всех.

Сдается, подобное празднество, в котором я участвовал лишь однажды, становится возможным только в эпохи, когда цивилизация достигает своего зенита. Есть в этом некий апофеоз, высшая почесть, отдаваемая Человеком Человеку; высший, абсолютный, совершенный поцелуй, которым приветствует себя Род людской, признавая собственную божественность, чтобы затем погрузиться во тьму.

Удивительно, что все эти люди, обласкавшие друг друга с головы до пят, окружившие друг друга вниманием, опьяневшие от наслаждения, соединенные множеством объятий, оказались способны на это лишь потому, что были безымянны и молчаливы.

Дайте им хоть на секунду слово (а я уверен, что все они говорили на разных языках или, по крайней мере, у каждого была своя манера речи), и с первой же фразы они бы друг друга узнали, признали бы друг в друге чужаков; возможно, врагов. Быть может, на следующий день они бы убивали друг друга по разные стороны баррикад с таким же воодушевлением, с каким в тот вечер друг друга обожали.

Вежливость нагих и немых незнакомцев, сходящихся на ничейной территории: нас разделяют лишь одежда, речь и чувство индивидуальности. Плоть сама по себе незлобива, беззащитна – отсюда и наслаждение.

C

Но кто измыслил этот рай? Кто решил ненадолго воплотить его на Земле, выдумав правила этой елисейской игры? И, самое главное, кому хватило авторитетности объявить их неприкосновенными и добиться их соблюдения? Тебе, Рафаэль? Я надолго это запомню и не забуду твоего архангельского имени.

Ты тщательно нас отобрал и своим вращающимся мечом защитил от нас же самих. Ни единого неуклюжего жеста! Сколько такта в самой страсти! Каждый шаг диктовала музыка, будто на балу сладострастия, которое скромнее целомудрия! Мы не совершили ни единой оплошности, ведь ты задавал ритм движениям, мастерски, свысока сдерживая их порыв. Двое самых красивых сливались в поцелуе, и все вокруг наслаждались их взаимными утехами.

Мы соскальзывали с холмов в бездны и вновь выпрямлялись при виде фигур, каждая из которых оправдывала наши ожидания. С такой же непогрешимой математической точностью движутся планеты и светила.

Я, самый молодой, возможно был и самым застенчивым, но, оставаясь, скорее, зрителем, нежели участником, высокий и стройный, не посрамил это собрание роскошных тел, облаченных лишь нашей взаимной нежностью.

Каким чудом, после четырех лет революций, общественных и личных катастроф, вспомнил я красоту этого беспримерного события – во всей его свежести, будто нетронутую мозаику под пеплом Помпеев? Какой дракон охранял в моей памяти этот Сад Гесперид?

τO

Вскоре я узнал лицо белокурого мальчика, лежавшего скобкой у подножия нашей монументальной группы, - это лицо поднималось вдоль моих голеней, беря их штурмом, а снизу, вокруг и внутри меня уже разливалось приятное тепло, точно пламя под кипятильником, в котором варились два яйца. С каким прелестным покалыванием, назойливым щекотанием начинает бурлить вода! С какой силой раскалывается изнутри скорлупа! Наконец жидкость закипает, и серьезный, точно алхимик у горелки, мой персональный поклонник хватает руками драгоценную струю спермы, которой покрывает тело, точно масляной броней, втирая в каждую пору. Я отплатил ему тем же и, пропитавшись собственными соками, мы в обнимку заснули. Но вскоре захотелось снова остаться наедине с собой и посреди непросветленного мира припомнить эти священные мгновенья. Чудесное не остается с нами надолго.

Однако после спешного бегства, уже на улице, я вспомнил, что забыл под кроватью очки.

В дверях притона меня ждал молодой блондин – мой партнер, уверенный, что я вернусь, но я безжалостно избежал повторов, заверений, подписей, и воспоминание до сих пор остается столь чистым, наверное, потому, что мне удалось сохранить его безличность.

Лишь анонимность позволяет богам сходиться посредством нас. Сколько раз они к нам взывали, а мы по рассеянности, оплошности

или вследствие бесчувственности не замечали их прихода! Если в бестактном разговоре, в паузе между спонтанными жестами, на секунду всплывает наше собственное имя, чары тотчас разрушаются. Но просьба остаться, исходившая от этого незнакомца, его сожаление о слишком рано и столь великолепно прерванном празднике немало способствовали тому, чтобы сделать его незабываемым!

ЖИВОТНЫЕ

Что ж, дорогой Анри, вам попросту не хватает воображения, любопытства или опыта: если верить довольно давнему рассказу моего друга, он получал страстные знаки внимания от кота по прозвищу Фигаро. При виде эрегированного мужского органа кот входил в транс, впадал в истерический припадок и в исступлении катался по полу, после чего, спрятав когти и клыки, орудовал шероховатым бархатным языком и мягкими лапами, тискал и лизал яички, затем вдруг отпускал их и мало-помалу поднимался вдоль члена - от основания до самого кончика. Эти непрерывные ласки сопровождались ритмичными движениями всего тела и топаньем задних лап, а глаза то зажмуривались, то широко распахивались и загорались. С восхитительным умением и знанием дела Фигаро либо замедлял, либо ускорял массаж, пока не добивался заветной цели - вызвать извержение, которого он терпеливо дожидался, а затем украдкой глотал и с явным удовольствием смаковал семя.

Это как нельзя лучше доказывает, что блуд свойствен всем биологическим видам и является их «торговым активом». Чувственность не ведает ни границ, ни запретов, и между существами, казалось бы, весьма далекими по форме или размерам, мгновенно достигается согласие при их совместном наслаждении: происходит это спонтанно – исключительно ради удовольствия.

По мнению моего друга, участвовавшего в кошачьей церемонии, это взаимопонимание, инстинктивное и тайное сообщничество имеет отношение к высшей мифологии, магии, но вместе с тем и к религии.

РАСТЕНИЯ

Вчера обедал с графом и маркизом, в присутствии необычных сбиров. Один из них, получивший некогда воинское звание в Иностранном легионе, дабы не остаться в долгу передо мной, после того как я рассказал множество сальных историй, решил познакомить нас с сексуальными обычаями, распространенными в тропиках, где поблизости нет ни людей, ни животных. Мне сообщили по секрету, что этот шельмец щедро содержится князем Лихтенштейна, и сбир описал в мельчайших подробностях, как затерянный в пустыне одинокий легионер кидается на кактусы и занимается с ними любовью безумным, причудливым способом. Резкие сокращения растения при введении внутрь члена якобы доставляют острейшее удовольствие.

ПРИМЕЧАНИЕ. – Это стало для меня откровением, и когда я сообщил о нем некоторым людям, они ответили, что такой же благосклонностью пользуется опунция у солдат Африканского корпуса, страдающих от одиночества (обычное дело в пустыне).

Кроме того, один человек написал: "Вот что говорится в «Песчаной розе», страница 130, строка 21: «Можно ли назвать ее любовницей? Способна ли она претендовать на это? Скорее, нет, это просто лист опунции». Мягкий и сочный внутри стебель опунции называют в Сахаре «любовницей легионера»".

Мне бы просто довериться собственному чистосердечию, отдаться ему без остатка – но как мало останется вещей, способных меня заинтересовать! Разве лишь это: путешествовать по свету с отрешенностью безумца, словно вымышленное, но оттого еще более реальное существо.

Иногда я ищу всего-навсего тихое местечко, где можно забыть собственное имя, и порой обретаю это инкогнито вдали от дома – на четверть часа каждую неделю.

О, эта молчаливая гостиная, где дюжина молодых людей дожидается, пока их кто-нибудь возжелает!

Альбер показывает их издали сквозь окно и говорит пару слов о каждом: чего ждать от того или другого, пока я не бросился к первому встречному.

Зыбкое соглашение: мы поднимаемся по лестнице, чтобы попасть на праздник, который будет краток – ведь я хочу, чтобы он был прекрасным.

Жюльен! Какое счастье! Какая предупредительность! Какая любезность! Какой обмен вольностями! Ни малейшего жульничества. Открытия, способные вызвать зависть у херувимов о. Лемуана, которые «так пылают, что обмахиваются крыльями, точно веером».

Если хотите познать удовольствие, не обращайтесь к сильным мира сего. Они далеко не всегда чистоплотны. Лишь тот, кто работает руками, умеет мыться.

Когда я спросил Жюльена, какова его профессия «на гражданке», он, кажется, ответил:

- Жестянщик.

Стараясь оправдать свои поиски удовольствий, я вправе задаться вопросом: что меня гонит из дома – от самого себя? Не эти ли неожиданные, если не сказать невероятные, непостижимые, непристойные встречи, к которым мои поиски приводят, делая их возможными?

Без такого предлога, как удовольствие, я бы никогда не столкнулся с жестянщиком. Но полученное с ним удовольствие для меня не столь важно, как наше знакомство.

Пускаясь в подобные приключения, я удовлетворяю не столько свою чувственность, сколько интерес к людям.

Какая негаданная возможность обнюхать их вблизи, обойти кругом, заглянуть в самые сокровенные тайники, разузнать подноготную, вызвать на откровенность, поговорить с глазу на глаз, пусть даже они не догадываются, кто я на самом деле! Какая победа! Я чувствую себя

простодушнее, униженнее, чем они сами, хоть и не собираюсь унижаться!

Я обращаюсь к самому мелкому и ничтожному, стоя на коленях, – словно к Господу.

Наслаждение – лишь повод для сближения, но как только наслаждение получено, а тело удовлетворено, к губам моего мимолетного анонимного спутника подступает душа, и тогда пробуждается подлинный интерес: вслед за цветком я дотрагиваюсь до самого плода, которого так страстно жажду.

Мой конь вновь преклоняет колена, дабы в разгар зимы я мог сорвать с укрытого снегом чудесного дерева пылающую розу.

Издали этот итальянский облицовщик – подлинный Аполлон, а вблизи – мешок с дерьмом. Отвращение хорошо уж тем, что в нужный момент парализует наши разбитые члены.

Чтобы послушать разговоры об идеальном, следует спуститься в шахту, где трудятся каторжники.

Какие горькие складки в уголках рта у мальчика, набирающего мне ванну!

Мы обмениваемся парой слов, и вдруг он восклицает:

- Как я хочу отсюда выбраться!
- Пауза, а затем:
- Меня заперли здесь алчные люди, которым я должен десять тысяч франков. Каждый день я поднимаюсь на одну ступеньку. Когда же я опять увижу дневной свет? Еще тридцать ступенек.

т8

Неделю спустя:

– Эх, сударь, доброта и правдивость – очень опасные качества. Если ты добр и предан, то считаешь других людей такими же, пока не обнаруживаешь, что ты такой один и уже сидишь в долговой яме. Я коплю деньги, чтобы заплатить выкуп.

Я регулярно навещаю беднягу.

Месяц спустя:

– Знаете, они у меня вот тут – всегда наготове, но я храню их нетронутыми. Меня удерживают ваши визиты. Кажется, будто вы ненадолго снимаете с меня цепи, как святой Викентий с каторжников. В мой мрак проникает лучик света. Все вокруг озаряется. Я ощущаю себя не погибшим, а спасенным... Но ваша ванна уже давно готова, сударь: как вы любите – ни холодная, ни горячая.

Проходит полгода.

- Ну и ну! Уильям, ты все еще здесь?
- Эх, сударь! отвечает он. Теперь я уже не тот, что прежде! Привык к темноте, словно слепой крот. Дневной свет мне больше не мил. Я не выношу его сияния. Те, кто бросил меня в этот погреб, продержали меня здесь слишком долго. Я обвыкся. Что ж, тем лучше. Мне даже нравится.
- Не кори себя так, мой Уильям. Пока ты здесь, я поневоле буду сюда возвращаться.

Перед тем как меня «оприходовать», великан Рене напрягает мышцы, выпячивает грудь и делает признание:

– В чем секрет? Да в том, что я тружусь изо дня в день. Ежедневно с трех утра на ногах.

«Вот как, – думаю я, – мой коллега. Я встаю в четыре. Дай руку».

Он:

- А все остальное приложится.
- Где ты работаешь?
- На железной дороге.
- Ты с севера?

Об этом можно судить по цвету лица, белокурым волосам, акценту.

Он:

- Туфли снять?
- Конечно. Мужчины это здорово.

Он стоит передо мной в чем мать родила: на голову выше, хоть я тоже не маленького роста, и такой широкогрудый, что требуется немало времени, чтобы дотянуться от одной подмышки до другой.

Когда он лежит на диване – вылитый Адам Сикстинской капеллы: та же полнота и изящество форм. Роскошное, величавое тело, не лишенное грации.

Когда он удивляется моему восторгу, я рассказываю, кого он мне напоминает:

- Не знаю такого!
- Польщен.

Замечая, как страстно я им любуюсь, осознавая свою способность доставлять радость, Рене сначала приходит в изумление, но вскоре упивается этим и заставляет меня ощутить бремя его собственной славы, запрещая некоторые вольности. Я решил, что пусть он ведет меня

своими излюбленными тропами. Превосходная тактика. Он дал мне гораздо больше, чем я ожидал.

Вдруг:

– Простите, – начинает он, – мне нужно кое за что извиниться. Чтобы вам было поприятнее, я сбросил себе два годка. Теперь-то я вас узнал, и меня пленили ваши правдивость и искренность. Пусть даже мы никогда больше не встретимся, я не хочу, чтобы мы прожили хотя бы час во лжи. Только признайтесь откровенно: я достаточно молод, чтобы вам понравиться?

Я:

– Ненавижу детей и никогда с ними не связываюсь. С подростками скучно. Я ищу Человека в его полноте, в расцвете сил и лет. Признаться, ты – самый прекрасный образец рода людского, который я видел в природе, а не в музеях.

Я перехожу от одного к другому, на следующий день – к третьему, а потом неоднократно возвращаюсь к предыдущим трофеям, но поступаю так не затем, чтобы возбудить ревность у брошенных или внушить гордость нынешнему избраннику. Просто я чрезвычайно восприимчив к их отличиям. Пьер – вкрадчивый, Жак – пылкий, Рене – могучий. Каждый день – иное обхождение.

Моряку Пьеру я спустил брюки до колен и задрал до груди свитер: тщетно искал пупок, гадая, как он был связан с матерью? Пупок вырезали во время хирургической операции.

Зайдя в продуктовый, обрадовался встрече с Малатестой: тот держал кружку молока, и мы вместе стояли в очереди.

Мы любезно улыбнулись друг другу, хотя находились в гуще толпы и дорожили мнением окружающих.

Если б они только знали, что мы вытворяли на неделе!

Какая беседа! «Твой... твоя... твои...»

Мы соблюдали приличия, но пылкие взгляды были столь красноречивы, что мы остались довольны друг другом, а Малатесту больше всего порадовало, что на улице я общался так же запросто, как и наедине.

Я удерживаю всех на краю небытия, забвения, наделяя каждого отличием – характерным жестом или оборотом речи, не позволяющими спутать одного с другим.

Оседлав меня, грек Афанасий тотчас развернул то ли дельфийский, то ли сатурнианский пейзаж, но вовсе не стал подавлять своим авторитетом. О, этот притвор, опирающийся на приземистую колонну с парной дорической капителью меж двумя гармонично раздвинутыми массивными контрфорсами из древнеримской крипты! О, эта стрельчатая триумфальная арка с розеткой в вышине, со слуховым окном, пустой глазницей либо зияющей скважиной затененной мохнатой пропасти! О, бездонная пещера, подобная Ахерону Эпирскому или Гераклее Понтийской! Один из этих священных перла-

мутровых гротов располагался у мыса Тенар, а другой – в африканском Колоне и посвящался Эриниям.

Человек для меня – это рай и ад. Континенты его тела и души вдохновляли всевозможные перемещения моего взора и внимания, но я никогда не ощущал ни малейшей пресыщенности.

Знаю я одно гнездо — Горячо, малышка? Ласточка в гнезде сидит — Горячо, малышка? Ну пойдем, пойдем со мной, Разорим ее гнездо — Горячо, малышка? Расфуфырилась она, Голова торчит одна — Горячо, малышка?

В кафе мне его представили как самого красивого мужчину страны.

Перед застекленной дверью булочной у всех перехватывало дыхание — у девушек, мальчиков, даже бабушек. Вращения его головы немного опережали взгляд, и это было неотразимо. Казалось, он ухаживает за женщинами лишь для того, чтобы скрыть собственную игру. После прихода сообщника он начинал играть под сурдинку, а настороженная юбчатая свита удалялась с понимающим, обиженным видом.

– В пекарне вечно торчит стая бесштанных ангелочков! – бормотала святоша.

Тем утром, пока мне взвешивали фунт муки, дверь подсобки приоткрылась, и я заметил голый пах, но взволновала меня вовсе не красота или нагота, а какое-то угодливое выражение лица. Словно он был уверен, что смотрю я на него с таким же удовольствием, с каким он себя показывает.

Одни люди видят только то, что видят, а у других увиденное служит затравкой для мечтаний.

Я еще долго буду вспоминать лесной уголок, обнаруженный засветло в глубине зеленого коридора: высокие сосны над ручьем, прячущийся за верхушками склон холма, притаившиеся в темноте неброские цветы, аромат семени.

Утром потрясло великодушие юноши, который, заметив, что я любуюсь его невероятной красотой, на миг остановился и расставил руки на лестнице, где собирался исчезнуть, словно сознательно, с тайным умыслом рисовался перед любовником, догадавшись о его смятении.

Как не принять со всей страстью приношение, если уверен, что этот прохожий не забудет тебя, а ты его? Этим вечером, когда я отдамся первому встречному с мыслями о нем, в объятиях другого он вспомнит обо мне. От некоторых людей исходит какой-то свет и вместе с ним тепло, которое обволакивает и пронизывает издали, опьяняет и усыпляет с навязчивостью стойкого аромата.

Иногда среди ночи меня преследуют взгляды тех, кого я видел накануне, и тогда я словно лежу под открытым небом – на Господнем ложе.

Порой кажется, что в душе у нас хранится тайный блокнот свиданий, где нет ни одного имени, но на каждой странице запечатлены неизгладимые черты утраченных лиц, которые можно увидеть вновь лишь во сне.

27

Поэтому даже с незнакомыми прохожими беспрестанно завязываются столь тесные связи, что, встречая их опять спустя долгое время, я не понимаю, кем мы приходились друг другу, и не могу вспомнить, какой степени близости мы достигли.

Я недоумевал, почему меня так смутила улыбка Т.? А он тоже задумался, почему я устремил на него взор – пламенный, точно огненная стрела? Загадка сходства! Как часто наше лицо выступает лишь посредником. Своим выражением Т. удивительно напомнил одного дорогого мне человека. Ему, а вовсе не Т., я украдкой, но все же заметно подмигнул – через годы, через столетья. Тем не менее, как только к Т. вернулась индивидуальность – прости прощай!

Магия воспоминаний порождает миражи, а мы лишь на время становимся их проводниками.

Не по примеру ли голубей, милующихся на крыше напротив, решил я ответить на ухаживания молодого канадца, который овладел мною в это воскресенье – в полночь, на высокой террасе Вандомской площади? Я стоял, а он опустился на колени и так пылко царапал, ласкал, кусал, целовал, что пришлось потом два дня мазать ссадины маслом. Но отплатить ему тем же не удалось. Он запротестовал:

– Нет, со мной неинтересно. Я этого недостоин.

Весна порой обрушивается столь внезапно, что оставляет синяки и кровоподтеки.

Некоторые грубые с виду мужчины так ласково трогают свои гениталии, что это возбуждает. С такой же нежностью, я бы даже сказал, почтением ласкают они свою собаку или кошку. Дело тут в таинственных отношениях с собственным телом, в загадочных знаках внимания, которыми обмениваются телесные члены без нашего участия. Откуда нам знать, чего мы желаем? Обнимая зверя, кто-то стремится к Богу. А пока кто-то другой молится Богу, его кусает за ягодицы зверь. Паскаль пишет, что «разум нарушает покой тех, кто предается страстям», а «страсти всегда живы в тех, кто жаждет от них избавиться»

Утром рассматривал одинокого мужчину в метро, который сидел напротив, раздвинув колени. Широкая грудь и расставленные ноги выглядели столь внушительно, что соединительный шов между ляжками напоминал бездну, ткань брюк натянулась до треска под слепым натиском осязаемой, хоть и невидимой тропической лианы.

Сколько раз взор мой или руки следовали по телам тем славным путем, что никогда не приводит к утолению страсти?

Никогда не забуду лицо крестьянина, который, насвистывая, гладил левой рукой мочку уха, а затем опустил взгляд на правую – с какойто иронией, словно увидел ее впервые, но в то же время с благоговением – и удивился, что хо-

рошо знакомая, интимная часть тела внезапно показалась чужой, незнакомой (наверное, потому, что он отдыхал, и она находилась в покое).

Используя ту же уловку, нас порой смущает своей непривычностью собственная нагота.

Мечтает ли корова обрести в молоке бычью сперму, вызвавшую его появление?

В своей жизни мы порой совершаем невероятные поступки и, как ни в чем не бывало, продолжаем путь.

В нашу повседневность вкрадывается деяние, являющееся тягчайшим преступлением против духовности и природы, а мы невозмутимо живем дальше.

Кровь то стынет в жилах, то приливает к голове, внутри циркулируют либо застаиваются странные жидкости, мутные испарения затуманивают мозг, ослепляют душу, обнажают тело, а мы словно об этом и не догадываемся.

Нечто высвобождается или, напротив, закрепощается, обретается либо теряется. Нашему любопытству достаточно, чтобы мы с опасностью для себя взяли рискованный курс – не моргнув глазом, к стыду Божьему, несмотря ни на что! Несомненно одно: нельзя вернуться к изначальной невинности. Следует научиться жить с подобным опытом – на обломках катастрофы.

Во время занятий любовью для меня важнее всего сохранить ясность ума. При опьянении ускользает суть желания и удовольствия.

Сладость обещаний, сопровождаемых уверенностью и предвещающих празднества.

Я вижу его издали, убежденный, что буду лежать в тени его ветвей, под протянутыми к моим глазам и губам цветами и плодами.

Когда никого не любишь, больше свободы для наслаждения. Избыток красоты приводит к тому, что затмевается сам жест, отчасти лишаемый своей голой сути.

Лишь когда ничто не отвлекает вас от сладострастия, вы познаете его сполна. Мы добиваемся удовольствия, только избавляясь от всего несущественного.

Восхищение и страсть мешают удовольствию. Красота и любовь привносят в сладострастие свои особенности, которые его извращают.

Иногда красота вдруг становится для меня безразличной, удовольствие – непривлекательным. Странное одиночество: донная волна внезапно приводит к разладу с самим собой, к разочарованности и охлаждению, уносит вдаль от того, что мы считали «собственной жизнью».

Мы в потустороннем мире – на каникулах. Какая пустота!

– Прощайте, мои прибежища!

Мы знаем, откуда уходим, но не знаем, куда приходим.

Когда нет желаний, а есть лишь воспоминания, остается пересечь Стикс. Но пусть ты уже призрак, к образу существованья теней привыкаешь не сразу.

Я говорю управляющему:

- Все кончено, Жан.

Он:

– Господин прибедняется. Он никогда не выглядел так моложаво.

Не было недостатка в громах и молниях. Ничто меня так не пленяет, как праздник, смешанный со страхом. Мне чуждо все чуждое храбрости.

Чтобы жизнь удалась, вовсе не нужно иметь все – достаточно быть восприимчивым к чемуто одному, исчерпать его очарование, словно ревностно хранимый секрет.

Не это ли фактически произошло и со мной?

В главе о Пифагоре Диоген Лаэртский устанавливает таинственную, если не сказать мистическую, связь между человеческим семенем и Вратами Солнца.

Во мне дремлет неизданный «Пир». Я постоянно пытаюсь вспомнить обрывки разговора о любви. Но, едва начинаю расспрашивать память, все исчезает, изглаживается, хотя изредка тут и там всплывают привлекшие мое внимание благоуханные слова.

Чем мудренее и многозначительные сны, тем менее способен я их пересказать, словно, когда они переходят земные пределы, мы уже не в силах расшифровать их после пробуждения.

Они занимались любовью у меня на глазах.

Я видел, как роскошный мальчик, предмет моего вожделения, отвернулся, дабы окружить вниманием и обожанием какое-то ничтожество. Их связывала некая предубежденность. Конечно, мои страдания, о которых они догадывались, усиливали наслаждение, а их наслаждение усиливало мою досаду, но их воодушевляло кое-что посильнее – нечто редкостное, священное и не имеющее отношения ко мне: незыблемый обоюдный выбор.

Исключенный из этого магического круга, я любовался восхитительным сосудом их переплетенных нагих тел и как никогда хорошо понимал, что такое ад и какова, должно быть, ревность Бога.

1. Сотадическими в Древней Греции назывались стихи, состоящие из трех больших ионийских строк, за которыми следовал спондей.

Этимологически слово, возможно, происходит от имени критского стихотворца Сотада.

Во времена Плиния Младшего данный лирический жанр посвящался эротике, и потому «сотадический» стало синонимом непристойного.

- 2. Плиний Младший пишет: «Lyricos lego et sotadicos intellego; aliquando præterea rideo, jocor, ludo; homo sum»*.
- 3. Сотадический стих форма ионийского мажорного лада, использовавшаяся у римлян Эннием, Акцием, Плавтом, Варием, Петронием. Написанные этим размером произведения так славились своей непристойностью, что Квинтилиан (1, 8, 6) даже запрещал читать их молодежи.

^{*} Читаю лириков и понимаю сотадиков; иногда, кроме того, я смеюсь, шучу, играю – я человек» (лат.). «Письма» (V, 3, 2).

Вольные прозаические переводы с греческого и латыни.

Одевая его поутру, я говорю о вас. Сегодня утром он облачился в новую кожу цвета коралловой розы.

Я указал ему путь, описал местность – лысую гору, еловый лес, через который необходимо пройти. Этот нагой спелеолог интересуется гротами, пещерами, тесными ущельями, неожиданными мохнатыми либо умащенными расселинами, горячими мускусными источниками, животными маслами – здесь он чувствует себя свободно, раздувается от гордости при мысли о главнейшей пропасти, куда устремляется, когда ты стоишь предо мною, спустив штаны и обнажив зад. Да увенчает нашу любовь союз на небесах!

Если ты впускал кого-нибудь до меня (я говорю не об утробе – ты же знаешь, что я не педант), я никогда не введу туда свою лошадь – ведь говорят, в твой плотский собор нужно въезжать верхом, точно болгарские императоры.

Знай же, что я хочу быть у тебя первым и завоевать первенство над всеми мужчинами Земли, подобно тому, как Ааронов жезл возвышается над всеми коленами Израилевыми.

Перед тем как уйти из жизни, хочу оказать тебе высшую почесть: оставить в твоей глубине капельку самого себя – последнюю росинку с лилии своей юности, смешанную с пыльцой, которая пропитает тебя благоуханием, навсегда повенчав нас обонянием и всеми прочими чувствами.

Ведь, по словам Гераклита, в памяти людей сохраняется только запах. Умереть в аромате святости – не пустые слова.

Ежели, вопреки клятвам, ты уже не девственник; если кто-то уже прошел той тесниной, которую я обязался открыть первым, я присягаю, что вместо ароматного бальзама оставлю в тебе зловонную мерзкую жидкость, из которой родятся змеи, всегда готовые жалить острыми языками твои бока и пожирать твою печень. Из этой безрадостной топки ты мне потом расскажешь, каково на том свете.

Я держу их оба в правой руке – они холодны, как лед, величиною с орех, и отдают ежевикой.

Между твоими раздвинутыми ягодицами вижу алое дымящееся жерло, но кажется, будто они подвешены к морозильнику. Эти полярные, но столь сходные температуры служат символом наших бурлящих основ, где зарождается желание, хотя по сути оно лишь следствие несбыточных грез, точь-в-точь как огни святого Эльма и сурьмяной лед, киноварный или кобальтовый цвет. Между моими пальцами уже струится сок – легкий, с металлическим отливом, перламутровый, вкрадчивый. Напиться бы этой брызжущей ртути!

В извечной моей бессоннице гимны перемежаются звуками вакханалий и орфическими ритмами. Умирая от того, что составляло отраду и величие Человека, не отрекаюсь ни от чего.

Умирать надлежит из-за жизни, от ее полноты – от избытка жизни учащенно бьется сердце, но иду я еще быстрее, ведь его утомили, убили сама быстрота и легкость моих шагов. Мало ли я топтал землю крылатыми пятками?

Едва очнувшись, вижу тебя, но с глазами святого Антония. Я хочу сказать, что твой образ, придуманный мною, пленяет сильней, чем ты сам. Его габариты, цвета́ – не от мира сего.

Мои благородные части жаждут прикоснуться к отстраняющимся твоим. Жадно объемлю пустоту, которую кличу твоим именем, наслаждаясь и при этом ярясь.

Где-то на свете есть дозорный путь меж двумя тесно прижатыми друг к другу горами. На дне ущелья, в священном лесу, скрыто дупло, стремящееся поглотить гидру. Из моего живота выползает облаченная в рубище гребенчатая змея и звенит гремушками, страстно желая, чтобы ее пожрали.

Раскрой, растяни свой анус, увлажни его сладким выпотом, топленым жиром для истосковавшейся груши, которую ты примешь, стоя на коленях, не видя меня, дабы лучше меня узнать, заучить назубок, постичь жадно, смачно, сладостно, со знанием дела. Сие таинство совершается с закрытыми глазами.

Вот сейчас острый кончик плоти моей касается сокровенного твоего уголка. Интимная рукопашная схватка! Ты познаешь меня, а я тебя в библейском смысле.

О, Содом!

Там, куда никто не заходит и никто не вправе заглядывать, рыщет единственный глаз моего необузданного святоши, циклопа бездонных глубин. Когда он дрожит в бешенстве, я хватаю его за кожу на шее, за недоуздок с брелоками и дергаю вверх-вниз, вверх-вниз, пока дьявол его терзает, подзадоривает, распаляет. Достаточно лишь порыва. Рукам здесь делать нечего. На этой вершине желание обходится без всего – без сообщников и даже без удовольствия.

37

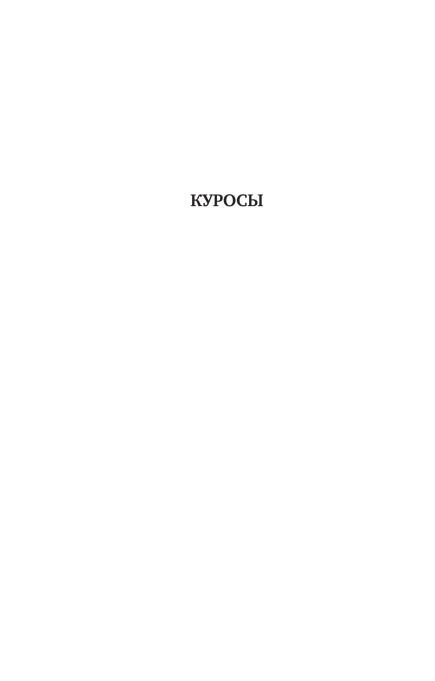
Любитель вулканов уже изучил и вдохнул испаренья Везувия, Этны. Но теперь его сводит с ума не Стромболи, и он усердно расспрашивает меня о пухлых твоих ягодицах, которые твердо решил отстегать мимоходом, чтобы затем углубиться в кратер. Он предчувствует запахи серы, аммиака и амбры, чей букет напоминает потоки обжигающей лавы. И лишь только негромкий гул – то мелодичный, то едва слышный – выдает глухое брожение тайных веществ.

Средний палец правой моей руки тоже часто говорит о тебе, передавая послания, полученные в бездонных складках. Из глубин навстречу ласкам твоим поднимается зов, круговое давление манит вовнутрь и засасывает.

Едва вспомнишь об этих волнениях, как мой член восстает, грозя приапизмом, но я умею приводить свое тело в порядок, когда оно действует без моего ведома.

Средний палец правой моей руки часто рассказывает, как твой спрут норовит его проглотить. Мой палец навсегда запомнит, как гостил в этих изголодавшихся складках. Твой зад – вот причина моего исступленья!

Но что-то уже подсказывает, что из этих низин мы непременно взмоем к зениту.

Ι

Будь удовольствие просто удовольствием, оно бы почти не имело ценности. Но порой сладострастие приносит такое наслаждение, которое превосходит удовольствие, преодолевает и преображает его. Это проявление, ликование, радостное опьянение, благодарственный гимн жизни, признание – посредством себя и другого – абсолютного, главного и вечного Существа.

П

5 августа 1963 г.

Письмо Франко с благодарностью за присланную книгу «Куросы» об архаической скульптуре Древней Греции («London Pheidon Press»):

«Только ты настолько глубоко посвящен в мою сокровенную тайну, в мою самую тайную страсть. Ты всегда умеешь доставить мне радость. Вслед за лицами идут тела – тела этих древнегреческих юношей.

Я представляю себя современником Гераклита. В своем религиозном учении я вознес Человека столь высоко, что вынужден окружить его ласками, особенным почитанием, растянувшимся на века. Это потребность поклонения в историческом и географическом аспектах – на всех континентах; потребность поклонения здесь и сейчас, а не там и тогда – в той или иной точке пространства, в тот или иной момент времени. Будь моя воля, я простирался бы ниц перед сегодняшними прохожими, напоминающими богов.

Позволь спросить, что дурного в почитании руки либо ноги Аполлона, в почитании его таза, поясницы или Пелопова плеча цвета слоновой кости? Я постоянно испытываю подобное искушение, и вот теперь ты подарил мне целую рощу КУРОСОВ, где я неустанно брожу меж деревьями, жалея лишь об одном: что не могу припасть губами к их плодам.

Древо познания Добра и Зла в Райском саду – это сам Человек».

III

Без сомнения, Бог относится к плоти совсем иначе, нежели наши моралисты. В Нем нет непримиримости, предвзятости и ханжества, иначе бы Он не создал природу такой, какой мы ее знаем. Он понимает наши желания и наблюдал за их изначальными, неясными, роковыми путями с самого сотворения мира.

Плоть слепо подчиняется внутренней логике, но при этом по-своему вступает в сферу духа, с которым крепко связана и порой использует его в собственных целях.

Восторг и отвращение удовлетворяют противоположным требованиям, сила страсти должна соответствовать темпераменту каждого человека. Повсюду равная беспристрастность и одинаковый ужас перед заурядностью.

Для Бога зло – совсем не то, что для наших доморощенных диктаторов; ну а добро – и подавно.

Неверная жена предпочтительнее фарисеев, побивавших ее камнями, Христос раз и навсегда заявил, что с точки зрения вечности блудницы дадут фору многим из тех, кто считает себя безгрешными.

IV

С огромным волнением открываю дверь 6-го номера, который обычно оставляют для меня.

Внутри ждет незнакомец, с которым я сейчас познакомлюсь: он может оказаться кем угодно – разбойником с большой дороги или, напротив, богом.

Этот человек олицетворяет всех прошлых, нынешних и будущих мужчин – с головы до пят, от одной руки до другой. Лишь я вправе исследовать все поры его кожи, члены, самые тайные уголки его тела и, если удастся вызвать на откровенность, вырвать кусочек его души.

Моя гордость и счастье – это, несомненно, Человек.

Гордость моя связана не со мной как субъектом, но с родом, к которому я принадлежу.

Мое самое серьезное и торжественное счастье – близость с тем, чье тело и лицо вдруг становятся интимно доступными. Ко встреченным на мгновение людям я отношусь с уважением, которое связывает нас навсегда.

Конечно, в моем представлении Бог не чужд Человеку, и без попустительства Всевышнего тот не стал бы таким, каков он есть:

В Человеке я обожаю Божье желание, совпадающее с моим.

Человек для меня – венец Творения, Природы, Мироздания.

Вызываемое им беспокойство ближе к религиозности, нежели к чувственности.

В его присутствии я провожу церемонию, лишь отдаленно связанную с удовольствием. Она больше напоминает поклонение.

Если я кем-нибудь втайне распоряжаюсь, то устраиваю некий праздник Другому, но только не себе.

Я совершаю таинство, которым чаще всего наслаждаюсь в одиночестве, замыкаясь в себе самом.

Нам хватает времени лишь познакомиться, посмотреть друг на друга, а затем мимоходом друг друга узнать – одно ярмо за другим:

на мгновенье соприкоснуться, после чего рука уступит место губам. Но какой искусной бывает дозировка, как поступательны легкие ласки пред неминуемым приближением ослепительного букета, венчающего весь акт!

Если наше тело с юности выполняет всякого рода подготовительные упражнения, оно развивает широчайший диапазон возможностей. В конце концов, каждая пружина обретает собственный тембр и звучание, с бесконечной градацией тонкости и интенсивности. Разумеется, необходимо отыскать виртуоза, который раскроет, разбудит и приведет нас к мелодичному согласию.

V

Как умиляет меня их ребяческая небрежность – к примеру, тот жест, которым они проверяют перед зеркалом, чиста ли задница!

Бесценное мальчишество великанов, их невежество и отвержение красоты. Они удивляются, сердятся, если настаивать, что они очаровательны, и даже начинают упорно это отрицать.

Они полагают, что на комплименты имеют право только женщины.

А мужчины, по их мнению, обязаны презирать такого рода замечания и похвалы.

Сегодня мне бросили на съедение двадцатидвухлетнего парня ростом і м 95 см и весом не меньше 100 кг: внушительные плечи и ляжки, не лишенные изящества.

Я ограничился тем, что обошел эту крепость из плоти кругом и еще раз осмотрел, разглядывая выставленные товары со всех сторон. Это роскошное зрелище приковало меня надолго. В какой-то миг буйная плоть моего спутника заворожила.

Величина и объем членов смущали непривычностью, зад и половой орган достигали нечеловеческих размеров; он подставил мне губы – горячую сочную ягоду: точно гранат, созревший на послеполуденном солнце.

Задним числом мне кажется, что я никогда не занимался любовью столь целомудренно: в присутствии человека исключительных габаритов отказываешься от удовольствия в пользу поклонения, достойного Песни песней.

В его теле без конца плодились силы, допотопная мощь, неистощимые запасы линий и кривых развертывались, точно фильм с ускоренной съемкой, словно карты географического атласа, будто украшенный картинками палимпсест для скульпторов и архитекторов. В сферу его наготы были вписаны сильно увеличенные анатомические сечения. От меня не ускользнул ни один сустав, ни одно утолщение или самая незначительная деталь. Этот субъект явственно демонстрировал сходство нашей физиологии с физиологией животных, насекомых, растений.

Человек – самый совершенный микрокосм.

Меня расплющивают собственным весом Атлант, опрокинутый подземным толчком, и поддерживаемый им мир. Они разрывают меня

на части! О, это трясение раскиданных окрест моей беззащитной наготы членов! О, эти хриплые ночные крики, словно символизирующие утоление векового, неясного желания, вероятно, имеющего отношение не к нашему собственному организму, а, скорее, к гейзерам и эрозиям, сотрясавшим природу во времена хаоса, когда разделялись земля и воды, огонь и воздух, порождая на свет эфемерных и несоразмерных чудищ. Здесь предание подменяет собой историю.

47

Золотое правило при подобном крушении – неподвижность и молчание. О, непризнанная сущность сладострастия – призыв Книги Бытия! Неподвижность и молчание – только так можно расположиться в пространстве и времени, когда восстают и бурлят стихии, до тех пор, пока не наступит избавление, и на голом месте не останутся два запыхавшихся, параллельно парализованных тела.

Внушительные пропорции подсказывают удивительные, но вместе с тем поучительные мысли. Мы расцениваем оплошность таким образом, как если бы выдумали мир, построенный согласно отличной от нашей и, стало быть, непредсказуемой шкале. Смущены ли мы? Нет. Нужно лишь торжественно стоять на своем перед лицом нового факта. Если мы открываем необычное, возможно, уникальное явление, нам не с чем его сравнить. Впрочем, коллизия может иметь различное значение для смотрящего и для рассматриваемого. Индивидуальность связана здесь не столько с личностью, сколько

с внешностью. Приобретения, возможные в подобном случае, касаются, скорее, морфологии, нежели психологии. Но обратите внимание, что иллюстрация, пробуждающая воспоминания при этом столкновении, все же исполнена пафоса. Пространство и время косвенно затронуты, взбудоражены. От мирового сознания не ускользнули ни череда непривычных мыслей, ни работа зрения, ни заметы интеллекта.

48

После того, что произошло между мною и воплощением Атланта, невозможно уснуть. Каким образом внезапное явление этого божества вытолкнуло меня живьем (в том смысле, что я при этом не умер) в глубину эпох, предшествовавших даже доисторическому периоду: в самый разгар космической эволюции? Этот решающий эксперимент перевернул все вверх дном внутри и снаружи. Теперь я наблюдал зрелище не сотворенного, но еще только зарождающегося мира.

Больше всего смущает, когда смотришь на изнанку лица, которое обычно предстает своей наружной стороной. Отныне я вижу вещи и людей вверх тормашками, что позволяет ничего и никого не узнавать.

На меня обрушился человек, державший в кулаке весь мир! Непоправимый ущерб. Ну и пусть. С тех пор как мое зрение и прочие чувства изменились, все стало другим, включая меня самого.

Столь глобальная метаморфоза придает смысл нашим более или менее заурядным подвигам, простительным лишь в силу того, что

они приводят к перевоплощению, ведь я обрел его, сам не зная, чего ищу.

Иоанн Предтеча где-то сказал: «Чтобы пойти туда, не знаю куда, иди туда, не знаю куда».

Мое изумление его оскорбляет, так как он считает вполне естественным свое существование и собственную индивидуальность.

Разговоры о красоте его лица или тела кажутся ему ненормальными или, как минимум, бестактными.

Он говорит лишь:

- Такие дела.

Он отказывается покидать свое жилище и оглядывать его снаружи. Он доволен тем, что обосновался, освоился внутри. Его не волнует собственная внешность, собственный облик.

Он – Спящий красавец.

Вчера я обнимал одно из самых красивых тел в своей жизни. Бернар – бретонец из Плугастеля. Неимоверно величавые плечи, узкая талия и пухлые олимпийские ягодицы, которые более приличествуют Гераклу, нежели предводителю Муз. О, мраморная мякоть кожи, фактурой напоминающей слоновую кость! О, расплывающиеся жесткие формы, которые под моими ласками накатывали податливыми волнами! Я сходил с ума от восторга, словно высекал из камня море, океан, небо, Человека!

50

Эти безымянные уста раскрылись предо мною на перекрестке, они особенные и всеобщие, символ и реальность, абстрактные, но при этом конкретные, ведь они вещают:

– Мы губы человекорта, уста всех мужчин.
Ришар называл все свои отверстия «устами».

Бездну обрамляли два упитанных полушария, в десятки раз увеличивая ее глубину и восседая, будто на престоле: менгир со складкой над входом в преисподнюю, куда я просунул голову, а затем и остальное.

В самом центре преисподней – чудесная розетка, точно живой калейдоскоп с беспрестанной сменой дня и ночи: моргающее колесо, немного похожее на глаз и на рот, родственное морскому ежу и аммонитам.

В каменную горку вставлена складчатая трепетная роза – складки шевелятся, словно дышат. Затем она распускается или, напротив, неплотно закрывается, обнажая среди соединенных лепестков черную бездну.

Между совершенно чуждыми друг другу органами порой возникают тонкие либо интимные отношения. После чего, невзирая на тягостные запреты, они не в силах устоять перед желаниями, ставшими столь же неумолимыми, как и естественные потребности.

При некоторых действиях или испытаниях суставы наших конечностей покидают свои места, перестают выполнять предписанные им функции: рот и анус приходят к некоему единству, сходству, становясь продолжением нашей органической ткани, а пальцы рук и ног превращаются в кайму неиспользуемого кружева, балетные аксессуары, выброшенные на свалку истории. Это приведение всех частностей нашего естества к общему знаменателю говорит о том, что мы вступаем в смутный период послушничества, объединяемся с Целым, достигаем нашей космической цели – превращения в жилкое состояние.

У Екатерины Медичи в гробу вырос зуб мудрости, продырявивший щеку, а у Наполеона после погребения на о. Святой Елены продолжал расти ноготь большого пальца левой ноги, проткнувший кожу сапога, - оба эти примера показывают, что части нашего тела сохраняют автономию, особенно, если нам посчастливилось родиться извергами. Подобные случаи демонстрируют мощь и независимость наших членов и даже некоторых сочленений, когда они выходят из сферы предписанной им функции и предусмотренной продолжительности жизни, словно их застали на месте преступления – восстания против целого, к которому они, казалось бы, относились, и им уже никогда не повернуть вспять. Так слепа и безудержна рвущаяся на свободу материя, порой проявляющая себя в схватке со смертью или физиологическом разгуле страстей.

Один запах предшествовал хаосу, другой сохранится после конца света. Порой мы чувствуем их оба: один при необузданном разврате, другой при грохоте испражнения, когда мы полностью растворяемся и приходим в себя лишь вследствие химического или алхимического брожения, обусловленного бесчисленными складками и секрециями наших несметных перегонных кубов.

Пусть наше сознание предоставлено самому себе – если мы его развиваем, от него не ускользает ни одно событие, происходящее с нашей плотью.

VII

Какая связь между предметом моего вожделения и случайным мальчишкой, встреченным у мадам Мад? Но вот мы сталкиваемся лицом к лицу на пересечении наших путей. Как объяснить, что весь интерес приключения составляет именно случайность этого двойного появления на перекрестке стольких бесславных дней и ночей – с его стороны – и стольких исполненных тайны ночей и дней - с моей (тайны то мучительной, то радостной, то блистающей)? Явный промискуитет, несмываемый позор, необдуманность, риск, бестактность по отношению ко мне, гнусность с моей стороны при этой рукопашной схватке - все это пробуждает мое любопытство, сулит безупречное, безоблачное удовлетворение, ведь при нашем общении я убеждаюсь, что с кем-то непременно познаком-

люсь, застану человека в одиночестве, в живой реальности, раскрою его секрет, и когда-нибудь эта близость с первым встречным прольет свет на мою собственную сущность.

Во время разразившейся между незнакомцем и мною грозы падает молния, и это наводит на мысль, что в мадам М. есть что-то пифийское, а в ее тупичке – нечто дельфийское, так что я всегда выхожу из упомянутых испытаний не разбитым, а набравшимся опыта.

Думаю о мальчике, которого недавно заманили в лес и, насладившись, убили в Ангулеме. О, жгучая похоть при встрече с ледяным, безжалостным кинжалом! Сбывается самая заветная мечта, а в следующий миг – резкий переход к отчаянию, смерти. О, этот последний любовный взгляд на лице, вдруг искаженном ненавистью, враждой! Но следует не отрекаться от себя, а упорствовать в собственном порыве, предаваться страсти, обожая, назло ей самой, смертоносную руку, которая беспощадно разлучает тебя с собой. Никогда два человека не будут так близки и так далеки друг от друга, столь же неразлучны, как убийца и жертва.

В сущности, удовольствие – лишь предлог, важнее – противостояние свободному и бессмертному существу.

Когда для тебя существует лишь одна вещь, лишь один человек, все остальное исчезает, и даже смерть не имеет значения, если эта вещь,

этот человек отсутствует или скрывается. Ты уже отрекся от всего. Осталось лишь отречься от себя.

Как скучно быть любимым! И, напротив, как «чудесно» (в буквальном смысле слова) любить! Любимый и любящий принадлежат к разным мирам. Первый не разделяет со вторым своего умопомешательства – о, как невыносимо общество безумца! Но чем беспросветнее это умопомешательство, тем оно сладостнее.

Добро бы еще любимый проникался исходящими от него чарами, которые можно назвать волшебными: но они ему чужды, незнакомы – он не отвечает на них и не распоряжается ими.

Единственное средство от неловкого положения любимого – самому влюбиться в того, кто вас любит. Но такая общность чувств, разделенная страсть встречается крайне редко.

Насколько же гуманнее тайный союз двух равно желанных, свободных и пышущих одинаковым желанием людей, стремящихся лишь к тому, чтобы угодить друг другу, всегда готовых обняться или, напротив, разжать объятья, появиться или исчезнуть, заметая за собою следы!

Только не подумайте, что «личности» в подобных случаях нечего делать и некуда обратить взор. Конечно, речь тут в первую очередь о поклонении Человеку, но при этом человек, действующий субъект, совершает богослужение и облекается огромным значением. Обнаженные и безымянные, мы не похожи ни на

кого, кроме себя, а в бесчисленном множестве существ, представляющих род людской, нет двух похожих.

Разумеется, договариваясь о свидании с незнакомцем, мы рискуем никого не встретить. Горшки или боги?

Замкнутая на себе чувственность относится не к субъекту или роду человеческому, но к первому дню Творения. Мы повинуемся чему-то более интимному и важному, нежели мы сами или даже наша людская природа. Нами овладевает непонятная, паническая сила, божественная в мифологическом смысле слова.

Волосы на голове и теле, покрытые живой плотью кости, экскременты, кровь, молоко, моча, пот, слезы и семенная жидкость связаны с минеральным и растительным царством, с отложениями и горячими либо ледяными источниками Земли, с потоками вулканической лавы, а вовсе не с тем, что мы видим и воспринимаем, обманутые привычкой и внешностью. Реальность лишь отдаленно соответствует показаниям наших органов чувств.

При катастрофах, катаклизмах, различных воздействиях гравитации, когда мы перестаем быть людьми, теряем всякую связь с нашей личностью и, объятые тьмой внешней, вновь погружаемся в доисторическое горнило; при потрясениях, первичном хаосе, свойственном геологическим эпохам, когда все еще находилось

под вопросом, в слиянии и смешении, – лишь тогда открывается нам высший смысл жизни, ее разгадка.

Но затем мы мало-помалу возвращаемся в тело, и душа вновь становится у руля своей заплутавшей галеры.

Следует учесть, что приключение, не выходящее за тесные пределы комнаты в борделе, затрагивает все уголки света во времени, пространстве и вечности, географию и историю, геологию и космографию, логику и богословие, физику и метафизику – вплоть до границ осязаемого и сверхчувственного. Здесь затаили дыхание Небо и Ад, участливо наблюдая за каждым кувырком при падении, способном послужить толчком для нашего облагораживания.

Дженни – высокий бледный мальчик с черными волосами на крепком, стройном теле, принимающем неожиданные позы. Руки и ноги раскиданы в стороны ветвями и корнями оливы. Точеный, словно камея, грубоватый вытянутый профиль. Кожа лица матовая, точно агат, изредка пронизываемый внезапными краткими вспышками. Худая, рыхлая плоть напоминает снежную пену на стальных мускулах.

Меня приковывает его взгляд – то бронзовый гарпун, то золотая стрела в руках высококлассного стрелка, который пытается смягчить смертоносный удар улыбкой.

Прекрасно сложенные руки словно созданы для того, чтобы сжимать в объятьях. Самое красноречивое доказательство, что в человеческом теле нет ничего низменного.

Важнее всего – каждый день чувствовать, чтобы вчера ты чуть не умер от радости, удовольствия, любви, горя или страха, и это происходит со мной почти каждый день моей жизни.

Вчерашнее приключение – одно из самых роскошных: столько в нем было низменного и возвышенного.

Вспоминаю силуэты влюбленных, расходившихся на его лестнице – на лестнице Дженни.

От вершин Гималаев до сиракузских каменоломен – всего один шаг.

Нас окружала колдовская и вместе с тем ярмарочная атмосфера.

В будуаре мадам Мад архангел Гавриил назвал меня Сократом в гостях у Лаис.

Затем я был с Дженни, и таким особенным я не видел его никогда. В подобных случаях вполне естественно сгорать перед мраморной статуей, но она сама мечет огонь и пламя, это похоже на праздник.

Сказать, что я его волную, возбуждаю, значит – не сказать ничего. Он ликовал!

Как сказочно он выставляет свой товар и проявляет свой пыл, необузданность, дерзость, бестактность, ненасытность, пока не рухнет в изнеможении, отчаянно моля о пощаде! Разумеется, лишь после того, как на нас обоих живого места не останется.

Тогда мы разыскиваем сбившееся с пути желание и вздрагиваем при одном воспоминании о какой-нибудь невероятной, однако всамделишной придумке.

Когда спускаюсь в гостиную, Гавриил еще там. Он – сомелье, наливает отменного критского винца.

На меня смотрит Эдмон, который «знал» Дженни и «познакомил» меня с ним. Нас преследуют два образа, застывшие на полпути между садом Джорджоне и «Мученичеством святого Маврикия» Эль Греко.

С моей точки зрения, Дженни вписывает себя в двойной круг требований и запретов. К этой геометрической фигуре часто прибегают Леонардо да Винчи и Пьер-Ив Тремуа при изображении обнаженных мальчиков.

Благодаря Дженни я исчерпал все ресурсы и потенциальные возможности человеческого тела.

В довершение вольностей, которые он провоцирует, направляет либо прерывает по своему желанию, когда наступает его черед меня «оприходовать», видя его приближение, я всхлипываю от счастья.

Сегодня он поломал левую руку, которую носил на перевязи, в гипсе, напоминая ожившую статую. Перед нашими утехами пришлось его снять, а затем снова надеть: это вынуждало принимать весьма раскованные позы. От моей материнской заботы он растаял. Только взгляните, как я развязываю ему шнурки, расстегиваю пояс и гульфик! О, как щедра моя нежность! Не каждый день имеешь дело с тем, кто способен оценить твое чистосердечие.

Понедельник, 6 февраля 1967 г.

Не знаю, почему так грустно, ведь я встречаюсь с Дженни в два часа ночи. Меня ждет несравненное пиршество.

При моем появлении он входит в транс, я не в силах уклониться от его игры – всех его игр, большой игры.

О, ночное свидание! Все мои враги насторожились! Я отправляюсь туда, будто на орфическую церемонию. Билли сказал бы, что подобная рукопашная схватка не приличествует моему возрасту, что это смехотворный анахронизм. Разумеется, он по-своему прав, но меня как раз и прелыщает невероятный вызов, брошенный старости и смерти.

В то же время прилив жизненных сил позволяет обойтись без всего остального. Застой, неподвижность отличаются от безжизненности тем, что это еще не конец.

Сегодня я иду бесстрастно, почти равнодушно, он непременно будет меня ждать, и поэтому любопытство усиливается в разы. Отрешаясь от собственного желания, мы в силу ясности сознания видим все иначе, дело внезапно налаживается, и нас вновь настигает желание.

Войдя в комнату, Дженни крадется вдоль стен, точно ягуар или дикая кошка, охотящаяся за добычей. Едва заметив меня, бросается, валит на постель, и вот мы уже слиплись в единый ком, похожий на клубок шипящих змей в прохладном гнезде.

Любовь для Дженни – стихийное искусство, которым овладевают по наитию. Его придумки напоминают форшлаги в партитуре.

Он использует пальцы, губы или член, и это всегда импровизация, сюрприз, неизменно приятный. Благодаря своему добродушию он минимальными средствами добивается всех возможных целей. Вряд ли он стремится доставить удовольствие. Мы просто ловим его на лету. Пылкая страсть иногда переходит в ленивую апатию, после чего он вдруг доводит тебя до оргазма.

Когда он раздевается донага, я опускаюсь на колени и поклоняюсь выгнутым подошвам танцора, перламутровым ногтям, большому пальцу ноги и другим согнутым пальцам, похожим на серьги из слоновой кости.

Затем мое лицо светилом восходит вдоль голеней. Останавливаюсь у коленей, он раздвигает их, чтобы я мог оценить внушительный объем ляжек, и вот мое лицо уже в двух дюймах от ягодиц, а он показывает торчащий член у их подножия. Как нетрудно догадаться, попутно я отдал должное всем открытым и скрытым частям тела, щеголяющим своим рельефом или, напротив, множащим складки, пока не добрался до безумной расселины – главной своей отрады.

Словно для передышки, он подставляет мягкий бок, округлый живот с пупком, заслуживающим поцелуя. Поднимаюсь к соскам и глубоко вдыхаю аромат в зарослях подмышек, немного там задерживаюсь, а затем в опьянении при6т

жимаюсь лбом к его плечу. Наконец-то мы лицом к лицу, наши губы соединяются, разбухшие члены соприкасаются, скрещиваются, взгляды встречаются.

Вне себя от страсти, Дженни вдруг поворачивается кругом и отклячивает зад, чтобы я мог дотянуться губами до его вульвы и глубже засунуть туда язык. Но если я переусердствую и вставлю жезл, Дженни может меня убить, наказав за покушение на его мужественность.

Вчера вечером Дженни пришел в голубой спецовке. Он работает на заводе в Курбевуа.

Меня интригует и притягивает его гримаса, словно скопированная со всадника Акрополя и похожая на гримасу моего друга Бернара де Ф., большого женолюба. Пусть я знаю, что он не Бернар, когда Дженни подходит и улыбается, он становится чуточку Бернаром, и эта путаница усиливает мое беспокойство, довершает мое удовольствие.

Ясно одно: я никогда не встречал человека, который так искренне относился бы к тому, чем мы вдвоем занимаемся.

В нем правдиво все – даже равнодушие, которое он напускает на себя, когда собирается меня покинуть, будто незнакомец. Он знает, что причинил бы мне слишком много страданий, останься он внешне самим собой.

Отличительная черта Дженни при обоюдном удовольствии – безраздельная, подлинная, неоспоримая преданность тому, что он отдает и

получает: поэтому, чтобы не отстать от него, я всегда готов потерять все – даже вечность.

Это и впрямь крайне редко встречается (а у меня немало опыта в данной области!). Почти все наши партнеры жульничают, фальшивят, искажают путем неуместного, наигранного вмешательства и часто непристойного притворства «единственную эмоцию», которая требует, чтобы мы обнажали душу, так же, как оголяем тело.

63

Вправе ли я теперь спросить себя, кем являюсь для Дженни, какое место занимают в его жизни наши тайные свидания в перерывах между сварками или после сборки двигателя?

Кто-то ему расхвалил меня. Наверное, Эдмон. Конечно, я ему импонирую: он словно общается с божеством и, вероятно, поэтому вдвойне счастлив, когда, желая засвидетельствовать почтение, я унижаюсь паче гордости.

Он никогда не говорит со мной о том, что касается его лично, помимо наших приватных отношений. Так он скрывает от меня свою душу, пока его разоренное тело лежит у моих ног.

Кто сумел бы отдаться мне бесстыднее и торжественнее, чем ты, мой Дженни?

С Дженни нужно всегда вести себя со всяческой помпой. Если спросить, что он обо мне думает, уверен, он назовет меня неподражаемым в нашей бесподобной сфере похоти.

В отношениях между людьми, посвятившими себя удовольствию, невозможно упасть в глазах другого.

Как бы ты ни был красив, если не ведаешь о сдерживаемом ликовании, которое способен извлечь из собственных членов, твоя красота убога!

Дженни напоминает мне памятники, которыми служат орга́ны, ведь их четыре-пять во всем мире, тогда как большинство людей – жалкие контрабасы, визгливые, резкие скрипки, расстроенные фортепьяно, одышливые фисгармонии.

Дженни оставил во мне незабываемый след – так молния проникает в дерево до самой сердцевины, до самых дальних корней.

Только Дженни познакомил меня с тайнами этого мира. Его жесты, сменяющие друг друга согласно предписанному, незыблемому обряду, вечно повинуясь неиссякаемому вдохновению, воплощают для меня жест самой Любви.

Он приближается ко мне с неизменным изумлением на лице, выходя из собственного тела, точно участники орфических культов или дельфийская пифия на краю пропасти, откуда поднимается запах серы.

Каким только бредовым отступлениям не предавались мы наедине, когда оставались голыми и когда он поворачивался, словно дракон с пышным членом и крупом, опрокидывающими представления о мере в человеческих либо

животных формах! Я вовсе не говорю, что меняется или переворачивается их взаимное расположение, однако исполинские пропорции изумляют, так как они связаны, скорее, с воображаемой тератологией, нежели с реальным миром: каким-то чудом красота не приносится в жертву, а, напротив, возвеличивается.

Как бы далеко я ни находился, Дженни гремит ударом гонга на дне вселенной, и шум, который он извлекает и распространяет для воссоединения со мной, напоминает шествие разгоряченных корибантов.

Теперь мне трудно описать, что мы с Дженни испытываем друг с другом. Я бы охотно сказал, что во взаимных объятьях наши тела неожиданно превращаются в уникальный объект: у него нет ни лица ни изнанки, ни верха ни низа, а есть лишь благородство и слава, точно у амфоры, алебастровой вазы с изображением Олимпа, битвы кентавров и Лапифов – всевозможных мифологических персонажей. Для нас обоих сакральное воскресает в памяти в разнообразных обличьях. Голые, мы имеем дело только с живой плотью. В нас осуществляется идеальное Уравнение его функций и смыслов, подведенных под общий знаменатель - Удовольствие. Наши континенты выставлены напоказ и широко раскрыты - о, божественный мираж, божественный брак Неба и Ада, Земли и Небосвода! В этот Миг Пространство и Время смешиваются, а Центр Мира находится везде.

Мне всегда хотелось, чтобы каждая моя любовь была единственной или последней, но как отказаться от собственного любопытства – от этого интеллектуального голода, вызывающего желание знать все, познать все существа, ни одно из которых не похоже на другое ни по форме, ни по содержанию, и каждое раскрывает что-то особенное?

66

По вторникам Дженни становится для меня Человеком, и я заново открываю Рай – о, божественный разговор! О, Корень Рода людского, обласканный первой зарей! Адам, любующийся собственным отражением, Эфемерность, беседующая с Вечностью!

Миг все ближе, я задыхаюсь от счастья, но к нему примешивается отчаянье, ведь возвышенный оборот, который я силюсь придать прегрешению, не способен скрыть глубину моего падения.

Вот в какой мерзости прожил я жизнь, хотя, по словам одного священника, мне суждено было стать величайшим мистиком столетия! Но сколько преимуществ появляется у гнусности, если только беззаветно в нее верить!

С той минуты, как мы начинаем ощущать природу, все в ней имеет право на долю уважения.

Даже кощунство – это заменитель набожности, а упрямый, настырный атеизм – всего лишь религия наоборот. Отрицая достоверность за

отсутствием очевидности, неверующий занимается абстрактной живописью, не переставая внушать мысль о реальности. К чему восставать против того, что проливает свет? Даже нечистоты участвуют издали в небесном экстазе.

Ответствуй мне, Господи, чего стоят все страдания этого света и самой преисподней, являющейся лишь отдаленной угрозой, по сравнению с тем Мигом, который я познаю в данный миг? Некоторые ошибки окружены таким сиянием, что, не соверши мы их, веками терзались бы от досады.

А вдруг время обратимо? Я вижу, как выхожу, сбрасываю бремя нескончаемых обещаний, словно будущий опыт уже стал прошлым – всего-навсего иллюзией, которую я лелеял и освободился, лишь пройдя через нее.

Пока испытываешь и познаешь сладострастие, оно проглядывает сквозь щели, будто некое добровольное рабство. Увы, больше не скрыться от путеводного «навязчивого образа», и вот я уже бреду по теснинам, паломничаю к лабиринту с химерическим видением – это, несомненно, Минотавр.

Он спросил меня:

– Ты встречаешься с кем-нибудь другим между вторниками?

Вчера он долго водил щекой и подбородком по моей коже, точно теркой, а потом развернул меня, и пришлось выдержать натиск его

дротика, вскоре околдованного моим анусом, который он беспощадно насиловал. Пока он буравил и пронзал меня, я оглядывался через плечо: надо мной плясал колоссальный зад, будто круп сгорающего от нетерпения жеребцапроизводителя.

В конце концов, как не думать о том, что, помимо любви, незачем больше жить и что нет ничего прекраснее Человеческого Тела?

68

Дабы не отвлекаться от доставляемых мною удовольствий, Дженни засовывает голову под подушки и витает в облаках или живым монстранцем поднимает надо мной торжествующее, преображенное лицо. Тогда мы забываем, кто мы такие: он раздавливает меня своим весом и обезображивает вторжением в мои внутренности, куда в избытке изливает семя.

В самолете, летевшем в канадский Монреаль, говоря о миллионах телезрителей, я видел только его.

С тех пор как Дженни вошел в мою жизнь, он занимает скромное, но суверенное и неизменное место.

Я вижу его сквозь все предметы и людей. Он либо представляется мне хрустальной статуей, либо сам способен делать все вокруг прозрачным, чтобы оставаться для меня видимым, куда бы я ни взглянул. Никак не разберусь: то ли меня интересует лишь он, какое бы зрелище

ни предстало очам, то ли, напротив, я вижу его одного, куда бы ни смотрел? Заслоняет ли он весь мир или просто ничто не способно его от меня скрыть?

Он заполоняет не только зрение, но и все другие чувства: я слышу, осязаю, дышу только им, мои нёбо и язык непрерывно наслаждаются вкусом его губ и ануса, а обоняние упивается запахом его подмышек и паха.

69

Сегодня я снова встречаюсь с Дженни. Аполлон и Адонис, Нептун, Пан и Кастор – никто из тех, кого я любил или еще полюблю, не избегнут неистовства наших сопряженных членов.

Танец, головокружение – равновесие без конца нарушается и вновь восстанавливается! Тело целиком подвергается сомнению, пыткам.

Кто посмеет заикнуться о бестактности этих исканий, этого кропотливого и всеобъемлющего осмотра? Трюки, фокусы, ловкость рук, иллюзионизм! Представление со львом, глотающим голубку!

Когда ожидание сладострастия растягивается до бесконечности, это напоминает ожидание смерти. Сильное желание сродни агонии.

Нечего презирать тех, кто не ведает всех удовольствий, которые можно извлечь из своего или чужого тела, но им и не позавидуешь. Жизнь проходит для них стороной.

Нередко лишь одна деталь декорации способна привести к провалу пьесы. Именно это произошло сегодня: все фигуры балета были выполнены безупречно, за исключением роли Судьбы, которая тайком постучала в дверь как раз в ту минуту, когда Дженни кончал.

МАКС

Становясь жертвой анонима, приближаешься к богам.

Повстречал сегодня у мадам Мад мальчика по имени Макс. Раздеваясь, он представился так:

– Я родился в период оккупации от немца и бретонки. В тот же день меня отдали в детский дом, и я никогда не знал любви... Наверное, я кажусь порядочным человеком, но это не так. В моем лице вы общаетесь со всевозможным сбродом.

Какая мне разница? Едва он принялся за дело, я убедился, что никто, кроме Дженни, не разбирался столь же хорошо в искусстве наслаждения. О каком опыте говорило его умелое пользование нашими телами? Он преподносил мне один сюрприз за другим. Я разомлел от его утонченных знаков внимания и могучих порывов. Меня поражало, как проворно он подставляет улыбчивое лицо, пышный член, гер-

кулесовское седалище. Каждая его поза была экспромтом и достойной иллюстрацией для учебника любви.

Памятуя, что отец его родился в Германии, я представлял себя в объятьях Кастора, а вспоминая, что его мать – бретонка, нащупывал в нем Жан-Клода.

Утолив страсть и выйдя из преисподней, я купил на мосту Нейи бессмертники: их горький аромат будит во мне чувство голода.

Сегодня вечером снова решил устроить праздник плоти, еще раз стать жертвой необычайных проделок, по части которых Макс – большой специалист. Специалист? Скорее уж, исследователь бездн космоса и бытия, овладевающий ими, точно своей собственностью.

Испытывает ли он ко мне особую склонность? Он словно не замечает моего возраста. Макс еще совсем молод, но относится с благоговением к тому, кто уже прошел путем, на который он только вступает, почитает во мне предшественника. Наверное, догадывается, какие муки я перенес, какие апофеозы пережил. Нередко он задерживается, дабы поклониться неожиданным местам моего тела, реагируя на что-то неведомое – возможно, запах? Он словно преклоняется перед моей плотью, хотя моя личность тут ни при чем, ведь я даже не назвал своего имени, и он не знает, кто я такой.

Его подстегивает только жажда удовольствий, которые он со мной разделяет, одураченный собственной игрой. Должно быть, мы ис-

покон веков созданы друг для друга. Со всеми ли он так себя ведет? По-моему, он хочет относиться ко мне по-особому. В наших отношениях усиливается таинственность: являясь внешне безличными, они кажутся вдруг вдохновленными, словно дело не обошлось без колдовства. Большинство людей практически неспособны к сладострастию. Подобные пиршества для них под запретом. Темперамент распределяется крайне неравномерно. Лишь некоторые чудовища предрасположены конституцией к тому, чтобы доводить свою и чужую чувственность до наивысшей точки. Необходимо одновременно или поочередно играть на всех струнах организма, включая самые сокровенные. Ловкость рук, проворные переглядывания, виртуозные движения сверху вниз и снизу вверх, использование всех ресурсов удовольствия - от наслаждения до исступления.

Макс подарил свою фотографию. Между ним и его изображением – никакой связи, он знает себя хуже всех, а я его – лучше всех. На снимке он похож на тех гремучих змей, что спешат сбросить кожу: ему словно неудобно в этом футляре, от которого он избавляется, оставшись наедине со мной, с непревзойденной ловкостью и быстротой. Наверное, он догадывается, что красив только в голом виде. Какими свободными становятся тогда его движения! Белоснежная алебастровая статуя, губы и член, похожий на распустившийся в снегу шиповник. Его тело представляется мне Космосом, Вселенной, Зем-

лей в миниатюре, и я не в силах сдержать его встречный порыв. Вскоре его охватывает такое же остервенение, с каким пчела опустошает чашечку цветка. Окружая со всех сторон, точно армия дикарей необитаемый остров, он вмиг устраивает беспорядок и затем вновь наводит порядок – все летит вверх тормашками, полная неразбериха! Упражнения по вольтижировке, подходам и отступам, будто раз за разом снимаешь колоду в адской игре: черви ложатся на пики, пики на трефы, и вот на бубнах остаются лишь два изнуренных, угомонившихся тела.

КЕТЧИСТ

Когда я прихожу к мадам Мад, она всегда радуется, считая меня неким королем, которому она долгие годы готовит идеальных поклонников.

На днях я пришел, а она и говорит:

– Тут был Макс. Прождал целый час, расстроился и ушел, но я прикажу обшарить весь квартал и найти его.

В ту же минуту вошли два мальчика, оба красавцы – танцор и кетчист. Я поцеловал знакомого танцора и, не раздумывая, уединился с другим, тренером по кетчу.

В подобных случаях вы слишком медленно раздеваетесь из-за волнения. От смущения не смеете поднять друг на друга глаза, а тем временем ваши губы тянутся навстречу. Для незнакомцев самое недоступное и соблазнительное место – это губы, взгляд скользит по ним, но,

вопреки влечению и симпатии, прямой контакт недопустим, представляется неприемлемым: это ведь самая интимная наша часть – ни рука, ни член не предполагают такой степени приватности.

Но едва мы с Пьером сделали первые шаги к сближению, в дверь постучали.

Величавая мадам Мад обратилась к кетчисту:

– Прости, малыш, Макс нашелся. Это он должен был заняться клиентом.

Я с досадой посмотрел на Пьера, его глаза потускнели от грусти. Еще до прихода Макса я быстро шепнул, что он мне понравился: мы увидимся завтра.

– Отложенная партия, – он с облегчением пожал мне руку.

В эту минуту в двери появился торжествующий Макс. Едва закрыв задвижку, он бросился на меня, точно лев на лань.

Мое желание похитил другой. Я проявил всего-навсего снисходительность.

Мне крупно повезло, что я снова встретил того кетчиста: красивое лицо, умное выражение и жесты, гладкая кожа – да со мной изысканный джентльмен! Наверное, он сразу вспомнил, как видел меня по телевизору.

Я часто замечал, что на картинах со сценами мученичества царит праздничная атмосфера. Орудия пыток так живо напоминают о сладострастии. Тут и там искалеченные тела, словно

преодолевшие собственные ограничения. Они голые или только собираются раздеться, чтобы выставить себя напоказ – а там будь что будет!

В тот вечер мой палач вел себя весьма деликатно, хотя руки его бывали грубыми. Острое лезвие его улыбки на миг отрезало меня от мира, и я словно укрылся в облаке света, где шелестели, задевая меня, крылья ангельского сонма.

После полудня с Пьером-кетчистом, подарившим свою фотографию, где он голый по пояс, вид со спины. Под кожей рельефно проступает каждый мускул: напоминает статую из множества раковин.

В любви он неимоверно галантен и серьезен. Какое счастье, ведь я ненавижу гаврошей, всегда готовых посмеяться над членом и подтрунить над удовольствием!

ЖОРЖ

Утром повстречал очень красивого парня Жоржа. Задним числом пытаюсь восстановить в памяти, что между нами произошло.

Когда я вошел в комнату, сама его поза вопияла о страстном желании.

Я буду смотреть на него долго, целую вечность: он стоит голый на коленях, отклячив зад и наполовину зарыв лицо в одеяла, выжидающе поглядывая из-под тяжелых приподнятых век. Вымаливал ли он чего-либо или же требо-

вал? Чего ждал от меня? Наверное, точной и чудовищной ласки. При подобной догадке наслаждение должно вызывать зависть: доставляющий удовольствие завидует тому, кто его испытывает. Ведь он распоряжается наслаждением. Уважение внушает совместное молчание подстерегающего охотника и жертвы, которая сама решает, где ее поймают – из милосердия, ради удовольствия и смерти.

77

Когда имеешь дело с незнакомцем, интересно бывает открыть уникальный случай, особую причуду, чувственную манию, которая неизбежно проявится без всяких слов. Последовательность жестов, непрерывность поз побуждают разгадать намерение и немедля перейти от правил к чему-то необычному. Природа предусмотрела все, кроме деталей, бесконечных способов, какими могут выполняться ее основные предписания. Эта свобода действий обуславливает оригинальность субъектов.

Невозможно вообразить, насколько трогателен этот набор, этот запас начинаний, пока он не развернется в полную мощь. Сколько признательности нас ожидает, если только мы согласимся стать сообщниками!

Тогда мы внезапно окажемся один на один с человеком, которого застали обездоленным, и, получив через вас наивысшее удовлетворение, он захочет вас отблагодарить. Но я всегда предпочитаю чужое удовольствие собственному, так что свою награду я уже получил.

Мои отношения с Жоржем воскрешают в памяти наблюдения, совершенные в молодости, когда я ходил в поля, где пасся крупный рогатый скот.

Коровы и быки в своих отдельных загонах отличались волнующей повадкой: они общались без помощи слов и оказывали немало тактильных услуг, например, лизали чесавшиеся места у своих соседей. Меня тревожили эти невыразимые знаки внимания, тайный обмен любезностями. В подобном общении есть, возможно, нечто мимолетное, но каким-то окольным путем оно сближается с учтивостью, галантностью, добротой.

Человек пышет таким самодовольством, так гордится своим исключительным положением, обеспечивающим первенство, верховенство во вселенной, что присваивает все тонкости, которые, оставаясь у животных инстинктивными и грубоватыми, тем не менее, делают им честь, позволяя взглянуть под необычным углом на их чувственность, пусть она и не выходит за рамки загадочной сдержанности.

Жорж напоминает пустышку, одушевленный манекен. Помимо доли инерции или, точнее, под покровом оцепенения, внутри него существует человек в полном смысле. Слова́ из него приходится вытягивать силой, он никогда не высказывается по собственной воле.

Обычно он не открывает глаза – интересно, из лени или с тем, чтобы можно было свободно им распоряжаться, пока он сосредоточива-

ет внимание и, не видя вашего приближения, ожидает ваших всегда неожиданных ласок?

Его хроническое состояние – полудрема, абсолютное безразличие ко всему, что происходит в стороне, за вычетом определенного чувства, которое является для него главным и пробуждается только в определенный миг. От умелого прикосновения он мгновенно попадает в рай. Его редкие жесты сводятся к вкрадчивым авансам.

79

Естественная его поза – повыше поднять зад, раздвинуть ягодицы и повернуть анус к балдахину: эрегированный замок свода вытягивается сверху вниз, будто в поисках провалившихся в бездну приоткрытых губ, лицо словно размыто и уменьшено в сотню раз.

На сердце у него татуировка собаки – в память о единственном существе, которое он любил.

Я спросил Жоржа: когда он вытворяет всякие пакости над теми, кто охотно уступает его желаниям, вызывает ли это ликование, к которому он стремится, точно к экстазу, апофеозу?

Он совершенно искренне ответил: нет, в удовольствии его интересует только удовольствие, которое имеет известные наружные и внутренние ограничения.

Между Жоржем и мной происходит нечто исключительное. Он руководит игрой, точно гипнотизер. Из добровольного идолопоклонства я делаю лишь то, к чему он меня подводит, управляя на расстоянии и указывая пальцем, куда следует припадать губами.

Жорж пребывает во власти четкого и неутолимого чувственного извращения, он остается для меня единственным в своем роде объектом наблюдения. Я никогда не встречал человека, ограниченного в своих поисках удовольствий одним чувством, детерминированным в пространстве и неудовлетворяемым во времени.

Я больше ни у кого не встречал этой слепой потребности с примесью экстравагантности. Его характерную манию я не спутаю ни с чем. Это его визитная карточка. В сущности, меня интересуют лишь подобные индивидуальные признаки, сходные с оплошностями.

Каждый изо всех сил скрывает свою долю возвышенного или перспективы собственной деградации, которые раскрывает втайне только тому, кто способен их расшифровать.

Разумеется, чудо наступает в тот миг, когда эта химера показывается и беспрепятственно конкретизируется.

Как трогательно разглядеть под контурами конвульсий, к чему клонил Жорж, зачем звал меня на помощь! Как возбуждало его беспокойство, когда я входил в комнату, пока мы были незнакомы друг с другом! Его толстые веки моргали все чаще, стремясь приглушить свет-

лый взгляд, а я все яснее различал его желание, хотя он не говорил и не шевелился. Он ожидал от меня проницательности. А я устремлялся к его зияющей преисподней, пока он изнемогал от желания, тревоги, страха, стыда.

Так что же значат для меня сегодня эти мальчики, Жорж? По-моему, самый прекрасный, пусть непристойный, поступок – привести в восторг этого святого Георгия кисти Пизанелло, который в горе и в радости не знает, как отблагодарить меня за понимание и удовлетворение.

АЛЕКСАНДР

Сегодня, 4 марта 1967 года, двадцатишестилетний парень из именитой семьи приехал и увез меня на машине в соответствующее место, где мы провели два часа голые, в объятьях друг друга. В следующем году мне исполнится восемьдесят.

Сначала он показался моделью Жироде, чей «Эндимион» раскрыл мне в юности глаза на мою природу. Именно перед этой картиной в Лувре я убедился в своей гомосексуальности и познал собственные чаяния.

Раскинувшееся тело больше натуральной величины выходило за поле зрения. Глаза из голубой глазури, скрученные жгутом волосы покрывали голову золотой диадемой. В полутьме зала, освещенного солнцем сквозь плотные муслиновые шторы, меня украдкой озарял жар юношеской плоти.

Ят

После того как мы решительно обменялись вольностями, походившими на мученичество и вместе с тем на экстаз, ошеломленный Эндимион уснул, и произошла метаморфоза. Мне почудилось, что я вижу императора Александра, каким он изображен на статуях, и впредь, встречаясь с этим юношей, я представлял себя Диогеном, спящим с царем Македонии.

82

Вспоминаются полотна Эль Греко с казненными, над которыми приоткрывается небо, – то же самое происходило между мною и «Эндимионом», или «Александром», Рассеянный заговорщический свет, чуждый дневному, окружал члены мальчика ореолом фантастической красоты. Мы оба можем умереть, но мой апофеоз сохранится навсегда. Возможно, в ту минуту я познал любовь в последний раз (то есть на веки вечные), любовь, свободную от слащавости, сентиментальности, чувственности. Это никого не касалось – ни меня, ни того, кем я любовался. Наконец-то красота человеческого тела обрела своего идеального поклонника, способного принимать ее такой, какова она есть, свободной от нашей избыточной плоти и нашей идеализации.

Церемония получилась восхитительной и душераздирающей. Нельзя даже вообразить столь образцовый весенний день. Но это не имело значения. На свете существовала только кровать в этой обыкновенной комнате, а на ней – тело юноши, избравшего меня любовником чуть ли не вопреки моей воле. Я никогда

не слышал такой тишины, как после пары слов, произнесенных им с закрытыми глазами. Вчера я занимался любовью с божеством. Пока мы поднимались по лестнице, с верхнего этажа за нами кто-то следил. Я узнал Дженни, который дружески, без ревности подал мне знак. Сластолюбие создает безмерную свободу, снимая с нас шоры страстей.

Была суббота. На улице все веселились и казались счастливыми.

– Мы пойдем отмечать начало весны, – шепнуло мне великолепное, царственное существо во время поездки по Парижу, и, возгордившись, я загорелся желанием, чтобы оно меня «познало».

Теснины, ведущие к пропастям и безднам, где совершается главное таинство, устланы сокровенной, неповторимой растительностью, подходящей каждому, для каждого приключения.

АЛЬБЕР

Меня поражает интеллектуальная близорукость П.П., который смеет любить мальчиков, но при этом запрещает им заниматься проституцией.

Одно дело – любить знакомого человека, имя которого знаешь, и совсем другое – встречаться с незнакомцем в комнате борделя. Только там

человек человеку – божество. Если мы когонибудь любим, разве это не религиозное почитание, поклонение роду людскому в целом?

П. не ведает о сакральном. Не могу сказать, что я испытываю при мысли о завтрашнем возвращении к мадам Мад. Объект моего желания зовут Альбер, и он красивый статный парень. Пытаюсь представить, где он находится в данную минуту, чем занят. Воображаю его во всевозможных позах, словно он уже у меня в объятьях. Ширина плеч? Я могу угадать цвет его брюк, незаметно щупая ткань, но избегая чувствительных мест, лишь бы он не встревожился и не упрекнул меня в нескромности, обидной спешке.

По моему телу пробегает дрожь, он скалится, за его зубами бегает горячий, манящий, притягательный язык. Руки. Какое благоговение! Поклонение начинается с них, но, прежде чем приходовать мальчиков, я всегда бросаюсь к их стопам, которые яснее, чем лицо, объясняют, с кем имеешь дело.

Простачки реагируют на поведение, если оно свидетельствует о глубочайшем уважении. Нужно сразу сбить их с толку утонченными, изысканными выражениями и чередой жестов, которые постепенно вызовут робость и сделают смирными. Главное – ничего не делать без их согласия. Подобным способом можно добиться чего угодно.

Религиозностью окрашено даже мое распутство. Бог для меня рассеян повсюду. Он был и навсегда пребудет моей последней любовью.

Человек получает столько моего внимания лишь потому, что является Его образом и объектом Его страсти.

Если тут и есть профанация, кощунство, это сильнее меня.

Ego autem sum vermis et abjectio plebis. In te projectus sum ex utero. De ventre matris meæ Deus meus es tu.

(Ps. 21)*

23 октября 1968 г.

Ушел сразу после обеда. Подали блюдо с белоснежной репой, на которой развалилась упитанная мускусная утка. Прихватил с собой «Пир» Платона.

Радушный прием у мадам Мад. Болтали в ее будуаре, как она любит. Все мальчики, которых я замечал в окрестностях тупика, вызывали один вопрос: «Oн?»

Усевшись, заметил в окно, как Эдмон оттесняет толпу. Наконец обрисовался бодрый силуэт, и мадам Мад сказала:

- Вот он.

Пока она беседует с ним на лестнице, успеваю его рассмотреть. Смуглый, стройный, но крепкий, вид суровый. На темном лице белеют зубы.

^{* «}Я же червь, а не человек... и презрение в народе... На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты – Бог мой» (nam.). Пс. 21, 7; 11.

Вскоре меня проводят в комнату, где он ожидает. Оставшись наедине, мы медленно сходимся, вытягиваем руки, оценивая габариты партнера.

Больше не нужны никакие подробности: скажу лишь, что в этом двадцативосьмилетнем человеке было все, чего можно пожелать, как если бы я двигал горы или стал космонавтом, дабы узреть невооруженным глазом фантастические пейзажи с недостижимыми светилами, кружащимися в бесконечности, и дотянуться до них руками. Любоваться, трогать, щупать его тело во всех местах. Поочередно хватать подставляемые части, ведь они в полном моем распоряжении. О, тяжелая, волосатая, безразмерная гроздь, арканы, аркады, и в глубине стрельчатой арки – бледная подрумяненная розетка в ореоле дрожащих завитков! Но вот он уже приподнимается, воспаряет над моими членами, равномерно раскачивается, обрушивается, тяжело наваливается на меня, впивается в губы ртом - сочным гранатом, и я не в силах насытиться его поцелуем.

глухой

Я занимался любовью с глухим юношей, обладавшим поразительной потенцией.

Невозможно вообразить, какую бездну порождает эта неразделенная тишина.

Я ощущал между нами стену, ведь он не слышал, как я вздыхал от счастья.

Он рассказал по секрету, что помолвлен: его невеста – девственница, и он не хочет лишать ее девственности до самой брачной ночи, но суженая позволила ему развлекаться от души.

ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Некто интересовался, можно ли рассматривать фаллос как предмет искусства или как объект коллекционирования? Можно, если, отделив от самого человека, выставлять его наряду с украшениями и драгоценными вазами.

Обаятельный восьмидесятисемилетний доктор, который половину своей долгой жизни рисовал цветы, пишет:

«Тычинки и пестики – лишь скромные половые органы, но они обладают восхитительной формой и окружением, тогда как наши половые органы имеют столь жалкий вид, что мы вынуждены стыдливо их прятать».

Я вовсе не разделяю этого мнения, и со мной согласен Леонардо да Винчи, как свидетельствует отрывок из его записных книжек, опубликованных «Галлимаром» (стр. 115-116):

«Половой член связан с человеческим умом и порой даже обладает собственным: вопреки воле, желающей его возбудить, он упрямится и действует по своей прихоти, а иногда шевелится без разрешения и даже без ведома человека, независимо от того, спит человек или же

бодрствует. Случается, пока человек спит, член следует лишь своим влечениям и бодрствует, а когда человек бодрствует, член дремлет. Часто бывает, что человек хочет им воспользоваться, но член отказывается, или, напротив, члену хочется, но человек ему запрещает. По-видимому, это существо обладает жизнью и умом, отличными от человеческих. Напрасно человек стыдится его называть и показывать, стремясь прикрыть и спрятать то, что надлежит украшать и с гордостью предъявлять, точно святые дары».

Сила желания избавила меня от необходимости обрезания, так как с самого раннего возраста головка моего члена выступала из-под крайней плоти.

Х. (иностранец) спрашивает, как у нас во Франции называют мужской орган? Простонародье ошибочно употребляет слово «хвост», которым в действительности обозначается наружное продолжение позвоночного столба у животных.

У латинян слово «пенис» означало мужской орган млекопитающих.

В древнегреческом имелось слово «фаллос», считавшееся сакральным термином.

В целом же лексика, связанная с этим органом, указывает на растительные плоды соответствующей формы.

У слова vit («хуй») нет шансов попасть в «Литтре» или в «Лярусс». Похоже, оно происходит от латинского vitis («виноград»).

«Шишка» намекает на плод сосны.

«Кнехт» – чугунный или деревянный предмет, используемый в морском деле.

Mentula – название кочерги для перемешивания углей в горниле.

«Прут» – величественно поднятая ветвь.

В Шаминадуре измученные приставаниями мужей жены называли член «неваляшкой».

А во время войны 1914 года солдат с соседней койки именовал свой орган «летучей мышкой».

Мужской член стал для меня птицей под фартуком отцовского помощника мясника, когда я случайно подсмотрел за его движениями.

Отмечу, что при виде эрегированного мужского органа у котов случаются истерические припадки.

На стенах туалета во дворе скотобойни работники моего отца оставляли надписи. Представьте, какие мысли возникли у ребенка, прочитавшего под изображением члена с его атрибутами: «Корень рода людского»! От этих магических слов, вероятно, и происходит моя наклонность, мое гомосексуальное призвание, тяготеющее к мифологии. Впрочем, моя гомосексуальность отличается от всех прочих.

ОТДУШИНЫ И МАНИИ

Один специалист по эротике, большой шутник, утверждает, что для большинства гомосексуалов любовь – своего рода церемония с заранее предписанными обрядами, которые совершаются почти автоматически, машинально, словно под диктовку невидимого постановщика. После вступительного поцелуя в губы партнеры спускаются в телесные катакомбы, взаимно убеждая друг друга, что в чертогах Юпитера не бывает ничего низменного.

Затем предлагается необязательная пытка пригвождением (некоторые ею брезгуют), но в любом случае все завершается последним фейерверком, при котором двухголовый людоед объедается гомункулами.

СТОПЫ

Как-то вечером зашел Монтерлан. Ужин заканчивался, за столом сидели два церковнослужителя, и гость решил забавы ради устроить скандал: с величайшим простодушием, которое у него сходит за искренность, он сказал, что, занимаясь любовью, всегда начинает со стоп.

– Вот кто истинный знаток! – воскликнул я. – Чтобы не ошибиться в человеке, достаточно взглянуть на его стопы. Они сразу выявляют вульгарность или же благородство, всячески камуфлируемые лицом и речью.

98

ГРУДЬ

Рафаэль (последний мальчик, с которым я встречался) — единственный, кто заинтересовался моей грудью и сосками. Он мял, кусал, сосал, щипал их, пока не брызнула капля крови, вслед за которой, по его утверждению, пролилась струйка молока. Раздраженные, покрасневшие, выведенные из привычной апатии, слегка затвердевшие, разбухшие, словно эрегированные — такими увидел я после ухода Архангела эти прикрасы, ненавязчиво роднящие нас с женщинами.

ПАЛЕЦ

Прочитал в одном средневековом манускрипте:

«Средний палец правой моей руки тоже часто говорит о тебе, Мишель, передавая послания, полученные в твоих глубинах. Навстречу ласкам твоим поднимается внезапный прилив или донная волна. Покачивание, внутреннее

шевеление манит дальше, вызванное не попутным давлением ягодиц, а твоим настойчивым желанием. Едва подумаешь о нем, как член мой восстает, грозя приапизмом, но я умею приводить свое тело в порядок, когда оно действует без моего согласия.

В эту минуту кто-то шепчет, что, спустившись вместе до самых низин, мы непременно взмоем ввысь и узрим Ангелов».

ЧЕЛОВЕКОРОТ

Исследуя в юности всевозможные бездны, както ночью я очутился наедине с особенно мерзким типом, который сказал, болтая языком между слюнявыми губами, словно гордился собственным определением:

– Я человекорот. Тебе повезло, что ты со мной встретился!

Но я уже был далеко: меня охватило такое отвращение, будто я заглянул в пасть преисподней. Человекорот, чего ты хочешь? «Чего тебе от меня нужно?»

дома терпимости

Будь хозяева домов терпимости наблюдательнее, веди они учет и делай записи, даже психиатры удивились бы количеству и разнообразию уловок, позволяющих выживать некоторым помешанным и душевнобольным. Сколько экстра-

вагантности, сколько странностей! Поражает, что такого рода аномалии широко распространены не среди простого люда, а чаще среди весьма знатных особ. Ребячество, инфантильность встречается там, где меньше всего ожидаешь, так что впору забить тревогу. Эти прегрешения проявляются лишь в тайных местах, где торгуют иллюзиями и продают грязный разврат. Сильные мира сего нередко стремятся возвратиться в эмбриональное состояние, постепенно или одним махом спуститься на дно – хотя бы для того, чтобы на время избавиться от бремени ответственности, условностей и этикета, сбросить с себя почтенный, церемонный вид, предписываемый их общественным положением. Под роскошными мундирами зачастую таится стремление вернуться к бессознательной вегетативной жизни, к жизни зародыша, откуда каждый из нас произошел. Хочется взойти ступень за ступенью к началу генезиса. Судья и вельможа тайно входят в бордель лишь затем, чтобы убежать от мира и себя самих, забыть собственную индивидуальность, которая кажется в глазах других единственным смыслом их существования.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ БУТЫЛОК

Некоторые психиатры утверждают, что такого рода мания присуща людям, остановившимся у врат гомосексуальности. Ведь самая возвышенная ваза — тонкая, толстая, пузатая, зату-

пленная, заостренная, увенчанная аметистовой либо коралловой головкой – это мужской орган, по капле выделяющий жизненный сок.

РАССТЕГИВАНИЕ

– Я одержим столь простым и внешне невинным занятием, что самому стыдно, – разоткровенничался со мной один человек. – Я мечтаю лишь о расстегивании – одежды, брюк, пиджаков. Делаю это с таким же благоговением, с каким священник приподнимает шторки табернакля. Мне даже не нужно видеть или трогать то, что находится снизу, не нужно, чтобы оно обнажалось и откликалось на мой зов. Достаточно самого жеста, и порой я получаю удовольствие оттого, что расстегиваю одежду на себе. Это касается только меня, и на то нет никаких объективных причин. Но причин я и не ищу, а просто дурачу самого себя.

Но знаете, я нашел способ, как удовлетвориться всласть: скупил у старьевщика кучу тряпья, развесил на стенке и, как только выдается свободная минутка, расстегиваю, сколько душе угодно. Хочется? – Да на здоровье!

ТРУСИКИ

Когда мы жили на Порт-Майо, наше окошко выходило в тупик Малакофф, и мне довелось наблюдать за странной церемонией, которую

TOI

совершал рабочий лет тридцати. На краю дороги стояла будка, куда дворники убирали свой инвентарь. В воскресенье я заметил, что там сушатся на веревке женские трусики. Вскоре, к моему удивлению, мужчина отцепил трусики, зарылся туда лицом, а потом долго целовал и водил ими по всему телу.

По окончании ритуала он отправился в путь, но спустя четверть часа появился снова и занялся тем же — это повторялось бессчетное число раз. В перерывах он бродил по улице Вебера, улице Берлиоза и проспекту Малакофф, который приводил мужчину обратно к его фетишу.

СТАТУИ И ТЕЛА

Статуи существуют для того, чтобы доводить наши любимые тела до совершенства. Неподвижность и молчание превращают их в наших богов. А наши тела существуют для того, чтобы в наших объятьях статуи согревались, оживали и разговаривали с нами.

РОДНИКИ

Если прислушаться к шевелению жизни, биению сердца, наших вен, артерий, многочисленным шумам, пению жидкостей, тайно струящихся всюду в наших телах и во всех направлениях затапливающих изнутри наши члены, утробу, мозг, мы поразимся сложности этой циркуля-

ции и множеству согласованных действий, поддерживающих наше здоровье и благоденствие.

Увы, существование многих людей сводится к автоматической работе этих механизмов, место которым разве что на заводе. Они вызывают извержения, излияния, истечения: из-за мочи, пота, дерьма и газов к нам нельзя было бы подступиться, не подчиняйся тошнотворные и обильные выделения довольно правильному ритму.

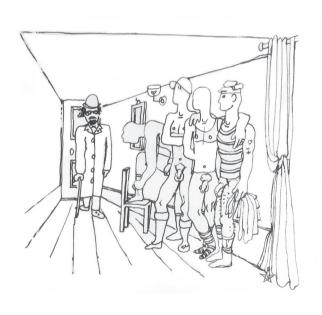
Содержание

T A T X T T T T T X	1 /C / O I I I	_
ТАИНЫИ	IVI V 3 H I/I	
II II II IDII I	IVIO OLLI	

КУРОСЫ 39

ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ 89

ОТДУШИНЫ И МАНИИ 95

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Габриэль Витткоп СОН РАЗУМА

Муж забивает беременную жену тростью в горящем кинотеатре, распутники напаивают шампанским уродов в католическом приюте, дочь соблазняет отцовских любовниц, клошар вспоминает убийства детей в заброшенном дворце, двенадцатилетнюю девочку отдают в индонезийский бордель... Тревога — чудище глубин — плывет в свинцовых водоворотах. Все несет печать уничтожения, и смерть бодрствует даже во сне.

Эрве Гибер П**УТЕШЕСТВИЕ С ДВУМЯ ДЕТЬМИ**

В «Путешествии с двумя детьми» есть отчаяние и желание взлететь выше, которые заставляют думать о мистических поисках. О чем бы Гибер ни говорил – о любви, о садомазохизме, о путешествиях или о фотографии, – он каждый раз недосягаем. Всегда извращенный, он никогда не бывает непристойным.

Герард Реве **МАТЬ И СЫН**

Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Герард Реве, ищущий и духовного единения с Богоматерью, и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом. Мечтая о новой встрече с Матросом, автор не забывает и о других «милых мальчиках».

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Франсуа-Поль Алибер **МУЧЕНИЯ ЧЛЕНА**

Франсуа-Поль Алибер (1873-1953) современникам был известен как один из спутников Андре Жида и плодовитый поэт, тяготеющий к классическим формам. Лишь через полвека после смерти Алибера были открыты его тайные сочинения — эротические повести весьма радикального толка. «Мучения члена» — исповедь человека, наделенного детородным органом невероятных размеров, «Сын Лота» — рассказ юноши, который провел неделю, занимаясь любовью с собственным отцом.

Ладислав Клима ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Ладислав Клима — экстатический мыслитель и художник слова, презирающий практически все, что в его время было принято ценить. Провозгласив мир воплощением своей воли, Клима сделал вывод: мир, созданный подобным образом, нельзя принимать всерьез.

Уильям Берроуз **БЛЭЙДРАННЕР**

Предсмертный бред знаменитого гангстера... Исчезновение тайной библиотеки предводителя секты ассасинов... оргии в гигантском лепрозории... опустошенный Нью-Йорк 2014 года... Это фильмы Уильяма Берроуза, которые вы никогда не увидите на экране.

Книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27

«Москва» ул. Тверская, д. 8

«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7

«Гилея» Тверской бульвар, д. о

«Циолковский» Новая площадь д.3/4

«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8

«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5

«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2

«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2

«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Индиго» Невский пр., д. 32-34

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15 дк им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru

«Esterum» esterum.ru

«Petropol» petropol.com

«Болеро» bolero.ru

«Чакона» chaconne.ru

«Международная книга» mkniga.ru

«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92 Все книги нашего издательства можно заказать наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Марсель Жуандо

ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301 Подписано в печать от. 11. 2011. Тираж 500 экз. Заказ N° 1203 Формат 70 х 100/32. Объем 3,5 п. л. Гарнитура itc Charter Отпечатано в ОГУП Орловская областная типография «Труд» 172750, Россия, г. Орел, ул. Ленина, 1